

НОВОЙ ТРОПОЙ

ВЕЧЕР
АРТИСТОВ
БАЛЕТА

ДВА года назад народные артисты РСФСР Калерия Федичева и Юрий Соловьев давали свой первый творческий вечер. Он вызвал интерес, имел успех, неоднократно повторялся, но ничем не отличался от традиционных вечеров балета. В таких вечерах репертуар почти всегда заранее известен, изменяются лишь составы исполнителей. И дело не в том, какой из номеров имеет больший успех. Обидно, что уж очень похожи вечера балета один на другой, редко видна в них творческая индивидуальность исполнителей.

И вот состоялся второй творческий вечер Федичевой и Соловьева, отличный от всего ранее виденного. Артисты обратились к темам, еще не затронутым в хореографии.

Самым значительным произведением программы стал одноактный балет «Орестея», поставленный молодым хореографом Г. Алексидзе на музыку композитора Ю. Фалика, оформленный художницей С. Дмитриевой.

Эсхил на балетной сцене. Замысел хореографа с первой минуты покоряет точностью логики. Содержание передается не через пространные монологи, оно предстает сгустком трагедийных событий.

Таинственно освещая сцену, курятся массивные светильники. Где-то в глубине скрываются мрачные углы, откуда появляются герои и где они исчезают. Кроваво-красный ковер сброшен на ступени трона. Он станет местом сговора, местом преступлений.

Решению балетмейстера отвечает и характер музыки. Острые ритмы, тревожная настороженность в первом выступлении хора. Напряженность, предвещающая роковые события. И прозрачные, точно отлетевшие куда-то в высоту, звуки финального хора.

Сила, самоуверенность воина-победителя, беспощадность карателя — основные черты Агамемнона — А. Сапогова. Глубокую скорбь, отчаяние, ужас перед содеянным матерью преступлением передает В. Лопухов, исполнитель роли Ореста. Эгист у Ю. Соловьева подчинен своевластной любовнице. Торопливо, с опаской и жадностью хватается он за любовь, за призрак будущей власти. Страстная одержимость и в то же время

страдание определяют сложный образ Клитемнестры, созданный К. Федичевой.

Вся хореография выдержана в взволнованном ритме. Строго передан накал, мощный пафос античной трагедии.

Другая миниатюра — текст шотландского поэта XVI века Ж. Бюкзена, музыка композитора А. Кнайфеля. Дуэт для танцовщицы и голоса, исполнители — К. Федичева и певица Л. Иванова.

...Голос рвется, взывает, стонет. Замирает и, точно вновь обретая силу, взлетает высь. В глубине зыбкое очертание решетчатого окна. Фигура женщины, распластанная на полу. Танец символизирует борьбу человеческого духа с насилием.

Новые произведения раскрывают драматическое дарование Федичевой. Оно проявляется в танце — волевым, горячим, целеустремленным.

Среди строгой классической хореографии Федичева и Соловьев выбрали тоже не совсем обычные формы. Первая часть неоконченной симфонии Шуберта поставлена балетмейстером Ван Диком. Конечно, очень сложно передать через танец глубокое философское содержание музыки. Однако строгость, проникновенность исполнения артистов балета свидетельствуют о творческом поиске и чувстве ответственности.

«Римский карнавал» Берлиоза в постановке балетмейстера И. Чернышева преподносится как эффектная танцевальная сюита, парад классической хореографии.

Федичева танцует с присущим ей праздничным размахом. Царица бала, освещенная огнями ослепительных люстр, горделиво-элегантными остановками венчает она каждый отрывок, танцует широко, увлеченно. Соловьев вторит своей партнерше, соревнуясь с ней в «полете» и грации.

В целом вечер Федичевой и Соловьева оставляет большое впечатление, вызывает уважение к художникам, живущим в искусстве беспокойно, пробуя и находя новое. Жаль только, что в балетных миниатюрах осталась нераскрытой тема нашей современности.

Г. КРЕМШЕВСКАЯ

На снимке: танцуют К. ФЕДИЧЕВА и Ю. СОЛОВЬЕВ.
Фото В. Богданова

